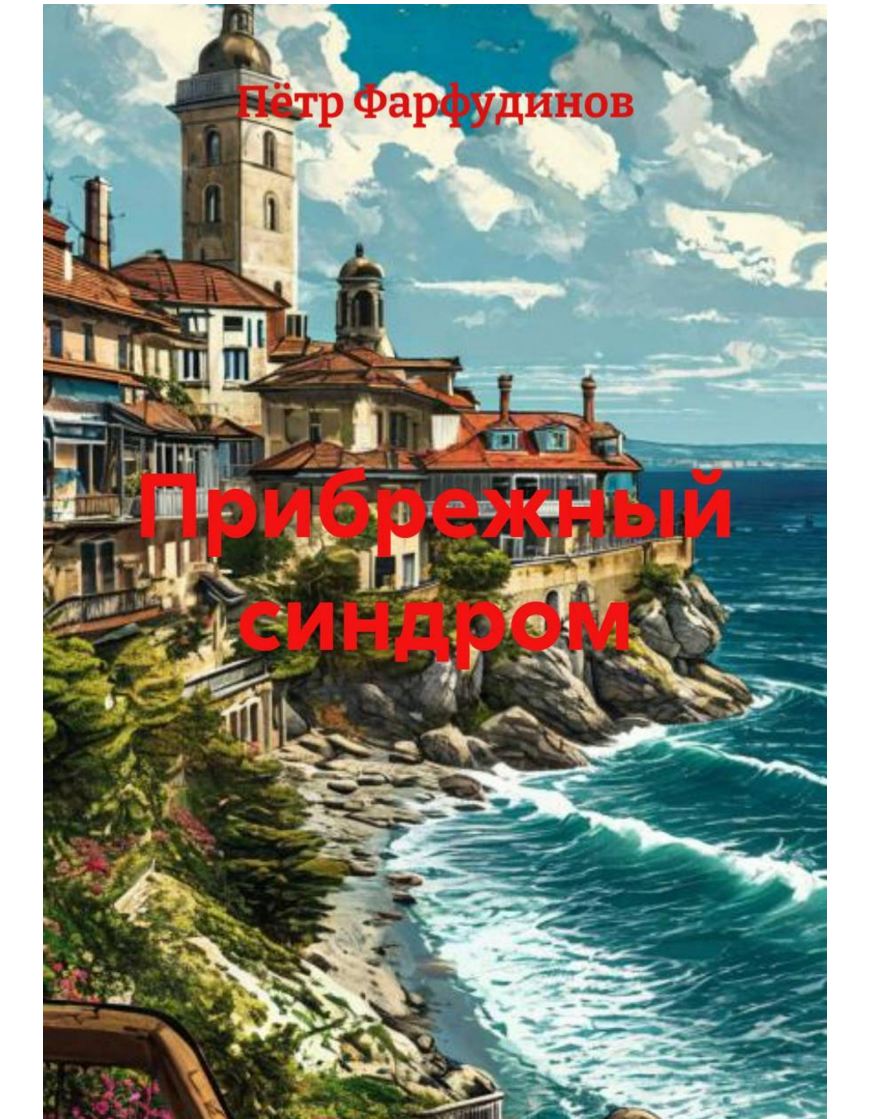

Пётр Фарфудинов

Прибрежный синдром

Пётр Фарфудинов

Прибрежный синдром

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73141168

SelfPub; 2026

Аннотация

«ПРИБРЕЖНЫЙ СИНДРОМ» (Книга 1)

В Заливинске, городе у моря, где волны стирают следы, а курортный сезон – лучшее прикрытие, доживают свой век два криминальных патриарха. Артем «Старый» Камышин, последний вор в законе портовой закваски, и Лев «Львицын» Синицын, делец, отмывающий кровь деньгами, десятилетия делят берег. Их холодная война за лакомый кусок побережья вот-вот должна была закончиться миром... пока в дело не вступили их наследники. Амбициозный и беспринципный племянник Синицына, Кирилл Волынский, совершает жестокую провокацию, стремясь разжечь огонь. В эпицентр этого противостояния попадает майор ФСБ Егор Климов, командированный наводить порядок. Ему предстоит не просто предотвратить войну, а разобраться в клубке старых обид, отцовских долгов и дочерней ненависти, где каждое действие грозит обрушить хрупкий баланс и похоронить город под волнами настоящего шторма.

«БУНТ ГЛУБИН» (Книга 2)

Пять лет спустя Заливинск пытается казаться респектабельным курортом.

Пётр Фарфудинов

Прибрежный синдром

Прибрежный синдром

Логлайн: В городе, где волны стирают следы, а курортный сезон – лучшее прикрытие, два стареющих вора в законе ведут последнюю войну. Их оружие – не автоматы, а коррупционные схемы, их солдаты – чиновники и дельцы, а поле боя – лакомый кусок побережья, где вот-вот начнется стройка века. Но когда в дело вступают их амбициозные преемники, холодная война превращается в кровавый шторм, смывающий все границы.

ПРОЛОГ. МЕСТО, ГДЕ ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ

Кафе «Волна» никогда не закрывалось. Не в том смысле, что работало круглосуточно – хотя и это было правдой. Оно не закрывалось от времени, от сменяющихся властей, от криминальных войн, которые бушевали вокруг, как осенние шторма. Оно просто было. Как скала посреди прибоя.

Стояло оно на самом краю городского пляжа в Заливинске, там, где заканчивался бетонный променад с его разноцветными фонариками и начинался старый, скрипучий деревянный пирс, уходящий в темноту моря. С одной стороны к нему подступала парадная, вылизанная набережная района «Марина» с ее подсвеченными пальмами и запахом жареного миндаля из киосков. С другой – тонули во тьме ржавые

крыши и чадающие трубы «Лимана».

Само здание было низким, приземистым, сложенным еще дедами из ракушечника. Штукатурка облезла, обнажив камень цвета старой кости. Над входом неоновой синевой горела та самая «Волна» – буква «В» давно моргала нервным тиком. Терраса, заставленная пластиковыми столиками, пуствовала в этот час. Четыре утра. Мертвый сезон между ночными гуляками и утренними рыбаками.

Изнутри лился тусклый желтый свет и голос Андрея Макаревича – хозяин, бывший боцман дальнего плавания, включал на древнем магнитофоне одно и то же. Запахи здесь никогда не выветривались, они наслаивались, как геологические пласты: верхний – густой, сладковатый дым сигарет «Прима»; под ним – кислинка прокисшего пива и острота уксуса с закусочного стойла; а в самом основании, в каменной толще стен, жил неизменный, вечный дух соли, йода и влажной гнили.

Здесь не назначали серьезных встреч. Здесь они случались. Потому что «Волна» была местом, куда приходили не чтобы говорить, а чтобы быть услышанными. Достаточно было сесть за столик у окна, и через полчаса об этом знали в порту у Камышина и в кабинете с панорамными окнами у Синицына.

Именно поэтому в четверть пятого утра на пустой террасе сидели двое. Не вместе. В разных углах.

У самого парапета, лицом к черной, тяжело дышащей во-

де, сидел **Марат**, он не пил. Перед ним стоял стакан горячего чая, от которого шел пар. Он сидел неподвижно, его мощная спина в темной ветровке была напряжена, но не суетливо. Он просто впитывал тишину, слушал море и ждал. Как скала.

В противоположном углу, спиной к морю и лицом к городу, пристроился **Кирилл Волынский**. «Китом» его здесь еще не звали – это прозвище он заработает позже. Сейчас он был просто племянником Синицына, перспективным парнем. Перед ним стоял латте в бумажном стакане из соседней, открытой для своих, круглосуточной кофейни «Марины». Он нервно постукивал ногой, щелкал крышкой зажигалки и пялился в экран смартфона. Синее свечение выхватывало из темноты его гладкое, недоброе лицо. Он не любил это место. Оно пахло бедностью и прошлым веком.

Они не смотрели друг на друга. Но прекрасно знали о присутствии противоположной стороны. Это был баланс. Молчаливое перемирие на нейтральной полосе. Так было годами.

Но баланс – штука хрупкая. Особенно перед рассветом, когда город затихал до предела, и слышно было, как где-то далеко, в порту «Лимана», скрипела лебедка, а со стороны «Марины» доносился приглушенный бас из клуба «Нептун».

Марат поднял голову. Не в сторону Кирилла. К пирсу. Во тьме, разрезая ее слабым лучом фонарика, двигалась одинокая фигура. Мелкий, суетливый человек, счетовод из конторы Синицына. Он шел, пошатываясь, вероятно, пьяный по-

сле ночных утех. Шел прямо по скрипучим доскам, в никуда, к самому концу, где пирс обрывался в пустоту.

Кирилл тоже оторвался от телефона. Усмехнулся. Какая-то крыса забрела не туда. Он сделал глоток холодного кофе, сморщился.

Фигура на пирсе замерла на самом краю. Закурила. Оранжевая точка пару раз дрогнула в темноте.

А потом – резкое движение. Тень отделилась от другой тени у сложенных на пирсе рыбацких сетей. Мелькнуло что-то короткое и тяжелое. Приглушенный, влажный звук, заглушаемый шумом прибоя. И тихий плеск. Всего один.

Оранжевая точка описала в воздухе короткую дугу и погасла в черной воде.

Тишина. Только море и Макаревич из кафе.

Марат медленно, с достоинством, допил свой чай. Поставил стакан. Его лицо, обращенное к месту, где только что был человек, оставалось каменным. Он понял. Это был не выстрел. Это было сообщение. Грубое, на пальцах, для тех, кто не хочет слушать слова.

Он поднялся. Стул скрипнул по бетону. Он бросил взгляд через террасу. Прямо на Кирилла.

Тот уже смотрел на него. Усмешка с его лица слетела. Он видел. Он тоже все понял. Но в его глазах читался не ужас, а холодный, живой интерес. И вызов.

Они смотрели друг на друга через пятнадцать метров нейтральной территории. Ничего не говоря. Все уже было ска-

зано тем плеском и угасшей точкой в воде.

Марат развернулся и тяжелой, уверенной походкой ушел в сторону «Лимана», растворившись в предраассветном тумане.

Кирилл остался сидеть. Он достал телефон, отправил смс: «**Готово. Начинается.**» Потом подошел к парапету, туда, где только что сидел Марат, он посмотрел на воду. Тело уже унесло течением, следов не осталось. Волны стирали все.

Он швырнул в эту темноту бумажный стакан. Развернулся и пошел прочь, к сверкающим огням «Марины», где пахло деньгами и властью.

В кафе сменилась кассета. Заиграл «Машины времени»: «Пока горит свеча...»

Рассвет в Заливинске того дня был багровым, как старая кровь на ракушечнике. А кафе «Волна» просто стояло. Как стоит. Место, где все начинается и где все заканчивается. Просто скала. И море, которое всегда возвращается, чтобы забрать свое.

Глава 1. Отливы и приливы

I.

Офис Льва Павловича Синицына не имел адреса. Он был точкой в пространстве, парящей над городом. Третий этаж яхт-клуба «Нептун», панорамное остекление от пола до потолка. Из одного окна открывался вид на причал с белыми, покачивающимися на волне судами, из другого – на хаос огней строек «Марины». Лев Павлович предпочитал смотреть

на море. Оно напоминало ему чистый лист. На нем можно было нарисовать что угодно.

Он был одет в белоснежную рубашку с расстегнутым воротником и мягкие льняные брюки. Никаких золотых крестов, никаких brutальных перстней. Только дорогие, но скромные часы на кожаном ремешке. В руках он вертел оловянный погон с двумя малюсенькими якорями – сувенир времен его юности, службы на флоте. Сувенир и талисман.

Дверь открылась без стука. Вошел Кирилл. Он сбросил на кожаный диван косуху, пахнущую ночной прохладой и морем.

– Ну? – Синицын не обернулся.

– Сделано. Аккуратно. Камышинцы. Марат был там, видел всё сам, он стоял и смотрел, как твоего щенка топят.

– Не «моего щенка», Кирилл. Сотрудника. Бухгалтера. – Голос у Льва Павловича был тихий, бархатный, но в нем зазвенела сталь. – И ты уверен, что это они?

Кирилл фыркнул, подошел к мини-бару, налил себе виски.

– Кто же еще? Мы им перекрыли кислород по стройматериалам для их контейнеров. Они ответили. По-хамски. По-

деревенски. Животные.

– Животные, – тихо повторил Сеницын. Он наконец оторвался от окна и повернулся. Его лицо было усталым, умытым, с сетью морщин у глаз, которые выдавали привычку много улыбаться. Сейчас он не улыбался. – Артем Камышин – не животное. Он – динозавр. Последний из мамонтов. И он не станет убивать счетовода. Не по понятиям.

– Понятия поменялись, дядя Лёва. – Кирилл сделал большой глоток. – Они торгуют крабом из-под полы и думают, что это бизнес. Они не понимают, что теперь война за землю, за бетон, за бумаги в мэрии. Им надо показать.

Сеницын внимательно, как под микроскопом, рассмотрел племянника. Видел в нем и себя молодого – того самого, который в лихие девяностые гвоздем выбивал из-под людей автотоправки. Но тогда был хаос. Сейчас – порядок. Или его видимость, что в их деле одно и то же.

– Показать, – согласился он. – Но не дубиной по голове. Мы не в порту. Мы в кабинетах. Ты хочешь начать стрельбу на набережной в разгар сезона? Чтобы приехали менты из края, а потом и вовсе московские?

– Они уже здесь, – Кирилл усмехнулся. – Твой любимый

майор Климов.

Синицын замер. Это было неприятное известие.

– Он не «мой». Он как ржавчина. Появляется там, где уже есть трещина. Значит, у него уже есть информация.

– Так покажем ему, что трещина – у них! – Кирилл поставил стакан со звоном. – Мы ответим. Чисто. Через того же Гордеева. Пусть их рыбнадзор и таможня в порту устроят «внеплановую проверку». Перекроют крана на неделю. Устроят им финансовое кровотоечение. А если «Старый» полезет на рожон... тогда уже наши действия будут самообороной. В глазах всех. И в глазах Климова.

Лев Павлович снова повернулся к морю. Рассвет уже разгорался, окрашивая горизонт в грязно-розовый цвет.

– Ладно, – сказал он тихо. – Готовь бумаги для Гордеева. И чтоб ни одного твоего «специалиста» рядом не было. Только белые воротнички и только по документам. Понял?

Кирилл кивнул, но в его глазах читалось разочарование. Он хотел крови, а ему давали поручить бюрократическую диверсию.

Когда дверь за племянником закрылась, Синицын подошел к стеклу и положил на него лоб. Прохладно. Внизу, у причала, рабочие мыли палубу дорогой яхты. Все как всегда. Порядок.

«Прости, Артем, – подумал он беззвучно. – Но твое время ушло. Как прилив. Или ты сам уйдешь тихо, или тебя смоем девятым валом. И, боюсь, этот вал – мой же собственный племянник».

II.

Порт «Лиман» просыпался раньше солнца. Воздух здесь был густой, как бульон: запах мазута, тухлой рыбы, влажно-го дерева и свежего кофе из столовки. Гул лебедек, лязг цепей, гортанная ругань – это была симфония труда, тяжелого и неблагодарного.

Кабинет Артема Камышина располагался не в административном здании, а в бывшей будке сцепщика на втором пути. Тесная комнатуха, заставленная старой мебелью. На столе – рация, пачка «Беломора», кружка с облупившейся надписью «Лучшему отцу». Никаких компьютеров. Информация здесь хранилась в голове и передавалась из уст в уста.

Камышин сидел, закрыв глаза, слушая доклад Марата. Тот стоял по стойке «смирно», руки за спиной.

– ...фигура из сетей, один удар, тело в воду. Я не видел лица. Но движение было... профессиональное. Не пьяная дра-

ка.

– Синицын, – прохрипел Камышин, не открывая глаз. Он был похож на старого медведя в берлоге: мощный, седой, с крупными, помятыми жизнью чертами лица.

– Не его почерк, – покачал головой Марат. – Он бы нанял гастарбайтера, устроил ДТП. Это... демонстрация. Для меня. Чтобы я видел. Там был его щенок. Племянник.

Камышин наконец открыл глаза. Они были светло-серыми, холодными, как вода в феврале.

– Щенок, который хочет стать волком. Ищет повод укусь. А мы этот повод ему дали, даже ничего не сделав. Умно.

– Что прикажешь?

– Ничего. – Камышин тяжело поднялся, подошел к запыленному окну, за которым копошились докеры. – Мы ничего не делали – мы ничего и не делаем. Укрепляй своих людей на точках. Особенно на рыбных аукционах и на таможенном терминале. И найди того бухгалтера... как его?

– Ведерников.

– Да. Найди его семью. Помоги деньгами. Тихо. От нас. Чтобы знали, кто свои, а кто нет.

Марат кивнул. Это был язык, который он понимал: действие, долг, честь.

– А если они начнут?

– Они уже начали, сынок, – Камышин обернулся, и в его глазах мелькнула старая, хищная усталость. – Они начали, когда решили, что море и земля вокруг него – их. Но море, Марат, ничье. Оно помнит всех. И всех рано или поздно смывает. Мы просто должны оказаться на более высоком камне, когда придет его волна. Иди.

Когда Марат вышел, Камышин достал из стола пожелтевшую фотографию. Молодая женщина с девочкой на руках на фоне этого же порта. Жена. Ее давно не было. А девочка... Света. Архитектор. Живет в «Марине», в стеклянной клетке, которую построил Синицын. Ненавидит отца и все, что с ним связано. И он платит ей той же монетой – держит подальше от этого болота. Но чувствовал он – болото подступает. И до нее может дотянуться липкой, вонючей волной.

III.

Самолет из Москвы приземлился в шесть утра. Егор Климов вышел из терминала, вдохнул воздух. Он был другой. Не

курортный, а портовый: с нотками соли, выхлопа и далекого, но неистребимого запаха рыбы. Родной.

Его встретила капитан Анна Репнина. Усталая, в помятой куртке, с кружкой кофе с собой.

– Добро пожаловать в ад, товарищ подполковник, – хрипло сказала она, пожимая ему руку.

– Пока еще майор, Анна Викторовна. И ад, как я помню, тут весьма курортный.

– Снаружи – да. Поехали, покажу изнанку. Вам сразу в отель?

– Нет, – Климов бросил сумку в багажник ее старенькой «Шкоды». – На «Волну». Завтракать. Говорят, там самые свежие новости и самый несвежий кофе.

Они ехали по пустому проспекту. Слева проплывали новостройки, справа – море, постепенно синеющее под утренним солнцем.

– Итак, что имеем? – спросил Климов.

– Ночью в акватории порта утонул Алексей Ведерников, бухгалтер ООО «Марина-Холдинг». Тело не найдено. Свидетелей нет. Камер на пирсе нет. Но есть два косвенных:

ваш старый знакомый Марат Бектемиров и восходящая звезда Кирилл Волынский сидели в это время в кафе на террасе. Никто никому не звонил, не подходил. Просто сидели и смотрели.

– Смотрели, как тонут люди? – уточнил Климов.

– Смотрели, как гаснет сигарета в воде, – поправила Репнина. – Это местный фольклор. Знак.

Климов молча кивнул. Он уже чувствовал старое, знакомое напряжение. Как перед грозой. Воздух заряжен.

– Начнем с «Волны». Выпьем того самого кофе. А потом... я думаю, нам стоит нанести визиты. Сначала – скромному бизнесмену Льву Павловичу. Потом – уважаемому ветерану порта Артему Сергеевичу. Соболезнования выразить по поводу беспокойной обстановки в городе.

Репнина бросила на него быстрый взгляд.

– Вы думаете, они начнут стрелять?

– О, нет, – усмехнулся Климов, глядя на проносившиеся мимо витрины дорогих бутиков. – Они умнее. Они начнут подписывать бумаги. И это в тысячу раз опаснее. Потому что

после пули нужно убирать тело. А после правильно подписанной бумаги – можно построить целый город на костях. И все будут аплодировать.

Машина свернула к пляжу. Впереди, уходя своим корявым пирсом в море, стояла та самая «Волна». Место, где все начинается.

Они сидели на террасе. Именно на тех стульях, где несколько часов назад сидели «Марад» и Кирилл. Климов чувствовал это – будто аура напряжения еще не рассеялась, впиталась в пластик и бетон. Хозяин, мощный, с татуировкой якоря на предплечье, принес два мутных стакана с кипятком, пакетик «Принцессы Нури» и жестяную баночку сгущенки.

– Только не говори, что это кофе, Геннадий, – беззлобно бросила Репнина.

– Это эссенция бодрости, Анна. Местный энергетик, – хрипло усмехнулся хозяин и удалился обратно к своему магнитофону.

Климов помешал ложечкой густую сладкую массу на дне. Он смотрел на пирс. Утро очистило сцену. Теперь там, среди груд мокрых сетей и пустых бутылок, копошился его коллега из местного УГРО с двумя понятиями. Бесполезный ритуал.

– Что скажут? – спросил он, не отрывая взгляда.

– Несчастный случай. Алкогольное опьянение. Отсутствие признаков насилия. Тело, будем считать, унесло в открытое море, – отбарабанила Репнина. – Протокол закроют к обеду.

– А наши два «свидетеля»?

– Дадут письменные объяснения. У Марата алиби – он пил чай и любовался рассветом. У Волынского – он пил кофе и сидел в телефоне. Ничего не видел, не слышал. Стандарт.

Климов кивнул. Все было чисто. Слишком чисто. Именно это его и беспокоило. Убийство бухгалтера – это не война. Это... провокация. Слишком грубая для Синицына, но и слишком глупая для Камышина. Значит, это чье-то частное начинание. Чья стрелка компаса указывала на племянника.

– Волынский. Что о нем?

Репнина достала из потрепанной папки листок.

– Кирилл Львович Волынский. Тридцать пять. Окончил экономический факультет в Питере. Формально – финансовый директор «Марина-Холдинг». Не судим. Не замечен. Но по каналам... амбициозен. Не любит дядюшкины «полумеры». Считает, что тот «мягкотелый». Говорят, собирает свою команду. Молодую, голодную. Без понятий, без памяти.

– Пороховая бочка, – резюмировал Климов. – А Камышин? Его люди могут на такое пойти?

– Только по прямому приказу. А «Старый»... Он консерватор. Для него это – бессмысленное обострение. Он сейчас в глухой обороне. Его бизнес – это контейнеры, рыба. Все, что требует стабильности. Ему война невыгодна.

– Вот и я так думаю, – Климов отпил глоток обжигающей сладкой жижи. – Значит, логика проста: Волынский убрал своего же, чтобы списать на Камышина и получить карт-бланш на жесткие действия. А Сеницын... Сеницын либо его покрывает, вынужденно, либо уже не контролирует. Любой вариант плох.

– Что будем делать?

Климов откинулся на спинку стула. Солнце уже припекало.

– Начнем с психологии. Сеницын боится хаоса. Он строит свою легальную легенду. Значит, дадим ему хаоса... но управляемого. Нужно создать ситуацию, где ему будет выгоднее сдать племянника, чем ввязываться в войну.

– Это как?

– Через его слабое место. Через имидж. Через его любимый яхт-клуб, – Климов улыбнулся без тепла. – Анна, ты в курсе, когда у них следующий прием новых членов? Какая-нибудь презентация, тусовка?

– Через три дня. «Ночь яхтсмена». Закрытое мероприятие для своих и потенциальных инвесторов.

– Прекрасно. Нам нужно туда попасть.

– У нас нет приглашения.

– Оно у нас будет, – уверенно сказал Климов. – Позвони Гордееву. Скажи, что у тебя есть оперативная информация о возможной попытке срыва мероприятия. О «нежелательных лицах» с Лимана. Попроси для координации и обеспечения безопасности пару пригласительных... ну, для нас с тобой. Чтобы быть на месте.

Репнина смотрела на него с восхищением и ужасом.

– Вы хотите, чтобы он сам впустил нас в свою крепость?

– Именно. Он подумает, что сможет за нами следить, контролировать. А мы... мы просто будем наблюдать. И, воз-

можно, слегка подталкивать пороховую бочку поближе к костру.

Он допил свой «кофе» и встал. Море сияло, обещая прекрасный день. Идеальный день для того, чтобы начать копать. Не на пляже, а в прошлом людей, которые считали себя хозяевами этого берега.

– Поехали, Анна Викторовна. Сначала нанесем визит вежливости Льву Павловичу. Выразим озабоченность криминальной обстановкой и предложим помощь в защите его законных бизнес-интересов. Он это обожает.

– А Камышин?

– Камышину... Камышину мы покажем, что мы – не его враги. Что мы видим, кто на самом деле раскачивает лодку. Нам нужен хотя бы один из патриархов в позиции сдержанности. Чтобы они не рванули оба сразу.

Они шли к машине. Репнина вдруг остановилась.

– Егор Алексеевич, а если Волынский не остановится? Если он и правда хочет войны?

Климов обернулся, его лицо было освещено утренним солнцем, но глаза оставались в тени.

– Тогда, Анна, нам придется эту войну возглавить. И про-

вести ее быстро и жестоко. По нашим правилам. Чтобы к концу в Заливинске не осталось ни старой гвардии, ни новой. Осталось только море. И закон. Ну, или его иллюзия.

Он сел в машину. Иллюзия, думал он, глядя на убегающий вдаль пирс, иногда бывает прочнее стали. Особенно если в нее верят те, кто боится утонуть.

Глава 2. Кабинеты и яхты

I. «Нептун»

Яхт-клуб «Нептун» был не просто местом для стоянки лодок. Это был храм новой религии, где божеством были Деньги, а ритуалом – демонстративное расслабление. Белоснежные суда, похожие на зубы хищника, покачивались на идеально синей воде искусственной гавани. В воздухе витал запах дорогой полировки, жасмина с клумб и гриля из ресторана.

Климов и Репнина прошли через стеклянные двери в холл с мраморным полом. Их встретил не охранник, а молодой человек в безупречном поло и шортах цвета хаки – администратор. Он уже был предупрежден.

– Майор Климов? Капитан Репнина? Лев Павлович ждет вас на террасе. Пожалуйста.

Они прошли через ресторан, где официанты в белых перчатках раскладывали столовые приборы к ланчу. На террасе, под огромным белым тентом, за столом с видом на всю акваторию сидел Синицын. Перед ним стоял ноутбук и стакан

с мутно-зеленым смузи. Он поднялся навстречу – движение плавное, без суеты.

– Егор Алексеевич! Какая честь. И Анна Викторовна, всегда рад. Прошу, садитесь. Принесете кофе? Или, может, свежесжатый сок? Апельсины сегодня из Абхазии, бесподобные.

Климов отказался, Репнина заказала эспрессо. Они сели. Море блестело, как фольга.

– Прекрасное место, Лев Павлович, – начал Климов, оглядываясь. – Прямо цитадель спокойствия.

– Стараемся, – скромно улыбнулся Синицын. – В нашем беспокойном мире важно иметь островок, где порядок и закон – не пустые слова. Кстати, спасибо за оперативное реагирование по поводу того... неприятного инцидента с нашим сотрудником. Ужасная небрежность. Пьяный человек, ночь, скользкие доски... Надо будет поставить там предупреждающие знаки.

Он говорил так, будто речь шла об упавшей черепице с крыши.

– Знаки не помешают, – кивнул Климов. – Хотя, знаете, у меня как у профессионала есть вопросы. Место не самое людное, но... пирс. Возможно, кто-то видел. Или слышал.

– Что можно услышать кроме шума прибоя и пьяного бормотания? – Сеницын развел руками. – Трагедия, да. Но криминала, я уверен, ваши коллеги не найдут. И, слава богу. Городу и так хватает негатива. Особенно перед курортным сезоном.

Климов заметил, как Сеницын бегло, но пристально посмотрел на него, произнося слово «криминал». Он проверял реакцию.

– Сезон... да, – продолжил Климов. – Именно об этом я и хотел поговорить. Наплыв туристов, денежный поток. Магнит для разного рода... беспорядков. Особенно если есть конкуренция. Я изучал обстановку. У вас здесь есть сосед. Портовый район. Люди там, скажем так, иных правил.

Сеницын медленно потянул смузи. Его лицо стало чуть серьезнее.

– Артем Сергеевич? Да, мы соседи. Разные миры. Я уважаю его как ветерана, как человека старой школы. Но наши методы, наши... бизнес-модели несовместимы. Я – за прозрачность, за легальность. Он, к сожалению, все еще живет в парадигме девяностых. Контейнеры, рыба... Все в тени. Это создает напряжение.

– Напряжение, которое может вылиться в такие вот

«несчастные случаи»? – мягко вставила Репнина.

Синицын посмотрел на нее, и в его глазах на миг мелькнуло что-то холодное. Но голос остался медовым.

– Капитан, я не могу и не хочу никого обвинять. Но логика подсказывает: у кого есть интерес создавать мне проблемы? У кого есть ресурсы запугивать моих людей? Ответ, увы, лежит на поверхности. Но я – не судья. Я – предприниматель. Я хочу просто работать.

Климов понял, куда клонит Синицын. Он готовил поле: если что, во всем будет виноват «лиманский рейдер».

– Мы понимаем вашу позицию, Лев Павлович. И хотим помочь в обеспечении безопасности. Особенно в свете предстоящих мероприятий. «Ночь яхтсмена», как я слышал?

Синицын слегка напрягся. Слово «слышал» прозвучало как «знаю всё».

– Да, небольшое закрытое событие. Для партнеров.

– Именно на таких событиях часто и происходят демонстративные акции, – серьезно сказал Климов. – Чтобы ударить по репутации. Мы бы хотели присутствовать. Неофициально. Помочь вашей службе безопасности обеспечить ти-

шину и порядок. Чтобы ни одна... темная личность с Лимана не испортила вам праздник.

Предложение висело в воздухе. Синицын взвешивал. Пустить оперативников ФСБ на свое самое важное ежегодное мероприятие? Риск. Но и отказ – риск большой. Это будет выглядеть как признание, что ему есть что скрывать. А еще это шанс – показать себя открытым, сотрудничающим с властью бизнесменом. И... при случае, подкинуть им «нужную» информацию о Камышине.

– Вы знаете, это... нестандартное предложение, – осторожно начал он. – Но если это поможет избежать возможных провокаций... Я благодарен. Михаил Гордеев, заместитель мэра, курирует вопросы безопасности мероприятия. Я дам указание, чтобы вам предоставили все необходимое.

– Благодарю, – кивнул Климов. – Мы будем максимально ненавязчивы. Просто пара гостей, которые ценят хорошие яхты и спокойную обстановку.

Разговор перешел на общие темы – перспективы развития города, новые проекты. Синицын снова стал обаятельным хозяином. Но когда они прощались и шли обратно через холл, Климов почувствовал на спине его пристальный, недобрый взгляд.

II. Стройка века

По дороге к порту они сделали крюк. Репнина свернула

на грунтовую дорогу, ведущую к мысу за городом. Машину занесло в облако пыли. Когда оно рассеялось, открылся вид.

На огромном пустыре, ограниченном с одной стороны морем, а с другой – сосновым редколесьем, кипела работа. Десятки единиц техники: экскаваторы, бульдозеры, самосвалы. Вдалеке, у кромки воды, уже стояли, как дозорные, три строительных крана. Звук был оглушительный.

– «Заливная Ривьера», – крикнула Репнина через шум двигателей. – Проект Сеницына. Триста гектаров элитного жилья, марина на пятьсот яхт, спа-отель и поле для гольфа. Стройка века. Тендер выигран полгода назад. Все чисто, по документам.

– А по сути? – переспросил Климов.

– По сути, эта земля десять лет была в муниципальной собственности, заповедная зона. Потом ее быстренько перевели в категорию «под рекреационное строительство». Через месяц после этого – тендер, единственный участник – «Марина-Холдинг». Говорят, Камышин тоже хотел этот кусок. Хотел построить здесь логистический терминал для своего краба. Но его даже не допустили к участию. Юридическая казуистика.

Климов наблюдал за гигантскими машинами, перепахива-

ющими землю. Они напоминали доисторических чудовищ.

– Вот оно, поле боя, – сказал он тихо. – Не пирс с ножами. А этот песок. Кто контролирует эту стройку – контролирует будущее всего Заливинска. Синицын выиграл первый раунд. Не в уличной драке, а в кабинетах. И это смертельно оскорбило Камышина. Не как бандита, а как хозяина. Он считает этот берег своим по праву первопроходца.

– И что он может сделать?

– Пока – ничего. Он проиграл на бумаге. Но «проиграл» – не значит «смирился». Он будет искать слабое место. В любой стройке оно есть: экология, миграционные рабочие, поставки бетона, наконец. Он будет давить. А Синицын... Синицын будет давить в ответ. Через портовые проверки, через налоговую. Это война титанов. И на ее фоне... – Климов обернулся к Репниной, – на ее фоне кто-то решил ускорить процесс маленькой, кровавой провокацией. Чтобы титаны схватились насмерть по-старинке.

Он посмотрел на море. Отсюда, с мыса, оно казалось бескрайним и равнодушным к этим человеческим муравейникам.

– Поехали к Камышину. Посмотрим, как выглядит обороняющийся титан.

Машина развернулась, оставляя за собой шлейф пыли, который медленно оседал на только что уложенные трубы будущего водопровода «Ривьеры». Стройка века продолжалась, не обращая внимания на мелкие человеческие драмы. Пока.

II Железо и соль

Дорога к порту «Лиман» была другой жизнью. Асфальт сменялся разбитой бетонкой, а затем и вовсе утопал в колеях, наполненных маслянистыми лужами. Здесь не пахло жасмином. Здесь пахло железной стружкой, гниющей древесины и тем особым запахом портовой воды – смесью соли, нефти и чего-то невыразимо старого.

Будка сцепщика, служившая Камышину кабинетом, была окружена невысокой, но плотной стеной из морских контейнеров. Это была не просто импровизация – это была крепость. Узкие проходы между ржавыми стенками контролировались. Климов заметил, как из тени крана за ними наблюдали. Без угрозы, но и без приветствия.

Марат встретил их у входа. Он стоял, заслонив собой дверь, и его молчаливый вопрос висел в воздухе.

– Майор ФСБ Климов, капитан Репнина, – представился Егор Алексеевич, не протягивая руку. – К Артему Сергеевичу по делу.

Марат медленно кивнул, оценивающе скользнув взглядом по лицу Климова, будто сверяя его с какой-то внутренней картотекой. Без слов он отступил, открыв дверь.

Внутри было тесно, душно и на удивление тихо. Шум порта сюда почти не проникал. Камышин не сидел за столом. Он стоял у развешанных на стене карт – старых, бумажных, испещренных пометками. На одной была акватория порта, на другой – весь берег Заливинска с его бухтами и мысами. На ней жирным красным карандашом был обведен тот самый мыс со стройкой «Ривьеры».

– ФСБшники, – произнес Камышин, не оборачиваясь. Голос у него был низкий, хрипловатый, будто простуженный морским ветром. – Давно не заглядывали. Чайку не успел заварить.

– Мы не надолго, Артем Сергеевич, – сказал Климов, оглядывая кабинет. Здесь не было и намека на роскошь. Утилитарно, по-мужски. Как каюта старпома.

Камышин наконец повернулся. Он был крупнее, чем казалось со стороны. Широкие плечи, тяжелые руки с выступающими костяшками. Его седые, коротко стриженные волосы и пронзительные серые глаза делали лицо аскетичным и жестким.

– «Не надолго» – это хорошо, – отозвался он. – У нас работа кипит. Рыба ждать не будет. Садитесь, если места хватит.

Они уселись на жесткие стулья. Марат остался у двери, скрестив руки на груди.

– По какому делу? – Камышин опустил в свое кресло, скрипнувшее под его весом. – Если про тонущего ночью –

я уже дал объяснения вашим. Ничего не видел, ничего не знаю.

– Не совсем про тонущего, – поправил Климов. – Хотя и это тоже. Мы больше о будущем. О том, чтобы в порту и вокруг него было спокойно. Особенно сейчас, перед сезоном.

Камышин хмыкнул, достал из пачки «Беломора» самокрутку, ловко скрутил.

– Сезон... У меня свой сезон. Он не кончается. А спокойствие... Спокойствие было, пока одни люди делали свое дело на воде, а другие – на суше. Пока не начали лезть, куда не просили. На чужое место. На чужой берег.

– Вы про стройку на мысу? – прямо спросила Репнина.

Камышин прикурил, выпустил струйку дыма в узкий луч солнца, пробивавшийся через грязное окно.

– Я про закон. Про то, что у всего должен быть хозяин. И порядок. А что там строят – не мне судить. Бетонные коробки. Дорогие скворечники для тех, кто море по выходным видит. Настоящему моряку эта красота не нужна. Ему нужен порт, где теплоход примет, сеть починят, топливо дадут. А не поле для гольфа.

Климов слушал, улавливая подтекст. Обида. Не бандитская, а... патриархальная. Обида хозяина, которого отодвинули, сочли архаичным.

– Понимаю, – кивнул он. – Но стройка – это факт. И те, кто ее ведет, заинтересованы в стабильности. Как и вы. Проблема в том, что стабильность сейчас под угрозой. Кто-то начал играть грубо. Убил человека. Бросил перчатку.

Камышин прищурился.

– И вы думаете, эту перчатку бросил я?

– Я думаю, что в войне, которая вот-вот начнется, будут проигравшие с обеих сторон, – холодно ответил Климов. – И победит тот, кто останется в стороне. Или тот, кто сумеет направить гнев в нужное русло. Например, на того, кто действительно хочет крови, а не дележа.

В кабинете повисла тишина. Шум порта доносился приглушенным гулом. Камышин внимательно смотрел на Климова, будто пытался разгадать шпионский шифр.

– Вы про племянничка Сеницына? – наконец спросил он. – Про того щенка, что рыщет и ищет, кого бы укусить?

– Он был на «Волне» в ту ночь, – подтвердил Климов. – Рядом с вашим человеком.

– Мой человек чай пил, – резко сказал Марат из-за спины.

– Знаю, – не оборачиваясь, парировал Климов. – И я не

обвиняю. Я констатирую факт: рядом с местом преступления были представители двух сторон. Но мотив для провокации есть только у одной. У той, что хочет войны, а не бизнеса.

Камышин медленно потушил самокрутку о железный поднос.

– Вы к чему ведете, майор?

– К тому, чтобы вы не клюнули на провокацию, Артем Сергеевич. Чтобы следующая новость в городе была не про перестрелку в порту, а про то, как таможня вдруг обнаружила контрабанду... ну, скажем, строительных материалов на складах «Марина-Холдинг». Или как экологи внезапно озаботились сохранностью нерестилищ у того самого мыса. Война на бумагах – это ваша война. И вы в ней сильны. А стрельба – это игра для мальчишек. Она кончается тюрьмой. Или кладбищем.

Он встал. Репнина последовала его примеру.

– Я не предлагаю вам дружбы, Артем Сергеевич. Я предлагаю вам здравый смысл. И даю понять: мы видим, кто здесь порох, а кто искра. И мы тушим искры. Чтобы порох не взорвался у всех на глазах.

Камышин сидел неподвижно, его лицо было не читаемо. Потом он кивнул. Всего один раз.

– Ясненько. Марат, проводи гостей.

Когда дверь закрылась за ними, и они снова вышли в оглушительный гул порта, Репнина выдохнула.

– Боже, как в нем тихо... и страшно.

– Это не страх, – сказал Климов, пробираясь обратно к машине. – Это осторожность старого зверя, который унюхал другого, молодого и безрассудного хищника. Он нас услышал. Он не полезет первым. Но если Волынский сунет лапу в его нору...

Он не договорил. Впереди, у ворот порта, их ждала машина. Рядом с ней стоял тот самый молодой человек в поло – администратор из «Нептуна». В руках у него был два конверта.

– Лев Павлович просил передать, – улыбнулся он. – Приглашения на «Ночь яхтсмена». С пожеланием приятного вечера.

Климов взял конверты. Бумага была плотная, с тиснением.

– Передайте благодарность. Мы обязательно будем.

Машина администратора умчалась. Климов разорвал конверт. Внутри был не просто билет. Это была персональная

карта гостя. С его именем.

– Он быстр, – заметила Репнина.

– Он пытается контролировать повестку, – поправил Климов, садясь за руль. – Пригласил нас сам, чтобы показать, что это его территория, его правила. И чтобы мы были у него на виду.

– И что, мы пойдем?

– Конечно пойдем, – завел двигатель Климов. – Это же идеальное место, чтобы подбросить искру в бочку с порохом. Только делать это будем очень, очень осторожно. Потому что бочка эта скоро и сама рванет. Нам нужно только слегка подтолкнуть ее... в сторону Волынского.

Он бросил последний взгляд на ржавые корпуса порта. Где-то там, в своей будке, старый зверь обдумывал его слова. А где-то в стеклянной башне над морем другой зверь, прирученный и вкрадчивый, уже строил планы, как превратить весь этот берег в свою личную империю. А между ними металась неутомная, хищная тень племянника.

Война уже шла. Просто ее пока не слышали за шумом стройки и грохотом портовых кранов. Но скоро, очень скоро, этот шум сменится другим. И первым его услышит море.

Глава 3. Ночь яхтсмена

I. Стекло и тени

«Ночь яхтсмена» начиналась с заката. Небо над Заливинском пылало, как раскаленная докрасна сталь, прежде чем свалиться в пепельно-лиловые сумерки. Яхт-клуб «Нептун» был превращен в сверкающую иллюминацией сцену. От белоснежных бортов яхт, подсвеченных снизу, отражались блики на черной воде, превращая гавань в зеркальный лабиринт из света и тьмы.

Климов и Репнина подъехали на ее «Шкоде», которая выглядела сиротливым воробьем среди стаи павлинов-кабриолетов и внедорожников. На них были не броские, но уместные вещи: у него – темный костюм без галстука, у нее – строгое платье-футляр. Они были одеты как успешные, но не вычурные гости – может, мелкие поставщики, может, скромные чиновники из краевой администрации.

Пригласительные карты со встроенными чипами открыли им путь сквозь кордон частной охраны. Внутри царил другой мир. Тихая, живая музыка – не попса, а джазовое трио. Ароматы дорогого парфюма, устриц и дыма от сигар. Гул приглушенных, уверенных голосов. Здесь не кричали. Здесь договаривались.

– Смотрите, полный состав, – тихо сказала Репнина, беря бокал шампанского с подноса. – Мэр в углу с женой. Гордеев, наш «доброжелатель», уже навеселе и поет дифирамбы Сиднигину группе инвесторов. Банкиры, девелоперы, пара знакомых лиц с федеральных каналов.

Климов кивнул, его взгляд скользил по толпе, сканируя, запоминая. Он искал двух человек. Первого нашел быстро.

Лев Павлович Синицын был в центре вселенной, которую создал. В легком бежевом пиджаке, с неизменной оловянной безделушкой в руках. Он мягко улыбался, кивал, касался локтей, был воплощением радушного хозяина. Но его глаза, быстрые и острые, постоянно метались, считывая обстановку. Он заметил Климова почти сразу. Легкий, едва уловимый кивок. «Я вас вижу. И вы – меня».

Второго человека Климов нашел у бара. Кирилл Волынский. Он стоял отдельно от дядиногo круга. Одет был дорого, но с вызовом: черная рубашка без пиджака, плотно облегающая, подчеркивающая накачанное тело. Он не пил шампанское. У него в руке был стакан с темным, крепким чем-то. Он смотрел не на людей, а на яхты. Его взгляд был голодным и оценивающим. Он смотрел на самую большую, новую яхту Синицына – «Альбатрос» – будто уже видел себя на ее капитанском мостике.

– Бочка с порохом, – прошептала Репнина, следуя за взглядом Климова.

– И фитиль уже тлеет, – ответил он. – Посмотри, кто к нему подходит.

К Волынскому протиснулся молодой человек в очках, с нервными движениями. Они коротко поговорили. Кирилл нахмурился, что-то резко спросил, потом кивнул и похлопал

собеседника по плечу. Тот растворился в толпе.

– Кто это? – спросила Репнина.

– Не знаю. Но похож на технаря. Инженера, IT-шника. Не из его обычной банды «силовиков». Интересно.

В этот момент к ним подошел сам Сеницын.

– Егор Алексеевич, Анна Викторовна, рад, что нашли время. Надеюсь, все спокойно? – его голос был теплым, но глаза оставались прохладными.

– Пока идеально, Лев Павлович, – улыбнулся Климов. – Прекрасная организация. Ни одна темная личность и близко не подошла.

– О, я в этом не сомневался, – Сеницын сделал глоток из бокала. – Порядок – наше все. Кстати, я хотел вас познакомиться... Кирилл! Иди сюда.

Волынский обернулся. На его лице, на мгновение мелькнуло раздражение, но он мгновенно сменил его на подобранную, пустую улыбку. Подошел.

– Дядя.

– Кирилл, это майор Климов и капитан Репнина. Наши... гости из органов, которые помогают обеспечивать нашу без-

опасность. Майор, мой племянник, Кирилл. Надеюсь, вы найдете общий язык.

Синицын произнес это с легкой, почти неощутимой иронией. Он сталкивал их лбами, наблюдая за реакцией.

Климов пожал твердую, сухую руку Кирилла. Тот смотрел ему прямо в глаза. Вызов.

– Приятно, – сказал Кирилл без тени приятности. – Дядя говорит, вы специалист по... темным личностям. Интересно, много их у нас в Заливинске?

– Как и везде, – парировал Климов. – Одни на виду, другие – в тени. Самые опасные, как правило, те, кто только выглядит тенью, а сам рвется на свет. Чтобы всех ослепить.

Кирилл усмехнулся, уголок его рта дернулся.

– Философски. Я думал, вы люди дела.

– Дело и есть – не дать этим «делателям» наломать дров. Чтобы, например, прекрасные мероприятия не омрачались глупыми случайностями. Как та, что на пирсе.

Тишина между ними натянулась, как струна. Синицын наблюдал, слегка прищурившись. Репнина замерла.

– Случайности – часть жизни, – наконец сказал Кирилл. – Как и волны. Иногда накатывают. Главное – не оказаться на мели в этот момент.

– Или не быть той волной, которая смывает чужие лодки, – мягко добавил Климов. – Это чревато. Море, знаете ли, оно все возвращает. Бурей.

Синицын вежливо кашлянул, разряжая атмосферу.

– Ну, вы, я вижу, нашли общий язык! Отлично. Кирилл, пойдем, тебя ждут партнеры из Москвы. Извините, Егор Алексеевич.

Он увел племянника, но Климов поймал последний взгляд Кирилла – обещающий, полный холодной злобы.

– Вы его разозлили, – констатировала Репнина.

– И вывел его на разговор при дяде. Теперь Синицын знает, что я в курсе его игры. И что я не боюсь его щенка. Это хорошо. Щенок сделает что-то глупое. А хозяин будет вынужден реагировать.

II. Искра

Час спустя вечеринка была в разгаре. Начался аукцион в пользу чего-то благотворительного. Климов, сделав круг, вышел на дальний, темный торец пирса, подальше от света и

шума. Он смотрел в сторону «Лимана». Там, вдали, мерцали редкие огни – словно угли в пепле. Его мир. Мир Камышина.

Рядом раздался легкий скрип дерева. Он обернулся. К нему подходил мужчина лет пятидесяти, в дорогом, но помятом пиджаке. Лицо умное, усталое. Заместитель мэра, Михаил Гордеев.

– Майор... Можно на пару слов? – от него пахло коньяком и страхом.

– Конечно, Михаил...?

– Гордеев. Я... я видел, как вы общались с Кириллом. Вы... вы должны его остановить.

Климов насторожился, но лицо сохранил бесстрастным.

– Остановить? От чего?

– Он сумасшедший, – прошептал Гордеев, оглядываясь. – Он не хочет делиться. Он хочет все. И он не остановится. Эта стройка на мысу... вы думаете, это просто бизнес? Для него это только начало. У него планы на весь старый город. Он хочет снести «Лиман», построить там очередную «Ривьеру». Он говорит, что порт – это грязь, что он портит вид.

– И Лев Павлович с этим согласен? – спросил Климов.

Гордеев горько усмехнулся.

– Лев Павлович думает, что контролирует его. Но это не так. Кирилл уже ведет свои игры. Он подминает под себя мелких чиновников, инженеров, сметчиков. Он готовит почву. И если дядя попытается его остановить... – Гордеев сделал глоток воздуха. – Я боюсь, что будет война. Настоящая. И в этой войне... я не хочу быть на стороне проигравших или, убитых.

Это была искра. Неподдельный, пьяный страх из самого сердца системы.

– Что конкретно он делает? – тихо спросил Климов.

– Документы... Он фальсифицирует документы по «Ривьере». Занижает сметы на экологическую экспертизу, подкупает подрядчиков, которые используют материалы не по ГОСТу. Все ради скорости и сверхприбыли. А если что-то пойдет не так... виноваты будут мы, чиновники. И... он собирает компромат. На всех. На меня, на других. На самого Льва Павловича, я уверен. У него папка на каждого. Это его козырь.

В этот момент с основного пирса донесся взрыв смеха, громкая музыка. Гордеев вздрогнул, как заяц.

– Мне пора. Я... я ничего не говорил. Но... остановите его. Ради всего города.

Он быстро удалился, шатаясь, обратно в свет.

Климов остался один в темноте. Он получил то, зачем пришел. Не просто подозрения, а свидетельство изнутри. И имя того, кто был слабым звеном в цепи Синицына. Теперь нужно было найти способ использовать эту информацию, не спалив Гордеева.

Он уже поворачивался, чтобы идти назад, когда его взгляд упал на воду у пирса. Что-то белело в темноте, покачиваясь на мелкой волне. Не мусор. Что-то большее. Он присел на корточки, всмотрелся.

Это была рыба. Крупный осетр. Мертвый. Белое брюхо развернуто к луне. Но это было не просто мертвое животное. Кто-то привязал к нему кирпич веревкой, пытаясь утопить, но веревка перетерлась, и тело всплыло. А на белой чешуе, чуть ниже жабр, был нарисован чем-то красным, не смывавшимся водой, грубый, узнаваемый знак. Якорь.

Знак Камышина.

Но это было не послание. Это была подстава. Грубая, топорная. Слишком топорная для «Старого». Но идеальная для того, кто хотел, чтобы все так и подумали.

Климов выпрямился, огляделся. Никого. Шум вечеринки заглушал все. Он достал телефон, сфотографировал рыбу и

знак. Затем позвонил Репниной.

– Анна, срочно. Найди Марата тихо, скажи ему одно слово: «диверсия». И место: «пирс у „Нептуна“, западный торец». Больше ничего. Поняла?

Она поняла. Через десять минут, пока Климов делал вид, что курит, наблюдая за толпой, он увидел, как по дальнему краю территории, в тени, скользнула мощная, знакомая тень. Марат. Он подошел к воде, увидел рыбу. Замер на секунду. Затем, одним резким движением отцепил кирпич, взял тяжелую тушу осетра за хвост и бесшумно стащил ее обратно в воду, теперь уже на глубину, откуда она не всплывет. Он обернулся, встретился взглядом с Климовым издалека. Кивок. Всего один. Смысл был ясен: «Спасибо. Мы в долгу. И мы знаем, кто это сделал».

Искра была брошена. Но не Климовым. Кем-то другим. Кто-то очень хотел, чтобы эту ночь запомнили. И чтобы война началась прямо здесь, среди шампанского и джаза.

Климов вернулся на вечеринку. Музыка играла, люди смеялись. Лев Синицын поднимал тост за процветание Заливинска. А его племянник, Кирилл Волынский, стоял у самого края света, глядя в темноту, где только что его провокация была обезврежена, и на его лице застыла злая, нетерпеливая гримаса. Его игра была раскрыта. Значит, нужно играть жестче.

Климов поймал его взгляд и чуть заметно улыбнулся. Холодно, без участия.

Игра принята.

Глава 4. Отлив после праздника

Утро после «Ночи яхтсмена» в Заливинске было хмурым и влажным. С моря наползал туман, цепкий и соленый, смытая следы вчерашнего праздника, превращая нарядные улицы «Марины» в размытые декорации. Но под этим туманом уже зрели новые очертания конфликта.

I. Разборки в сером свете

Первым очнулся «Лиман». Камышин вызвал к себе в будку не только Марата, но и всех своих «бригадиров» – смотрящих за рыбными аукционами, портовыми погрузками, контейнерными потоками. Теснота в кабинете стала невыносимой, воздух гудел от напряженного молчания и запаха перегара.

– Значит, вот как, – прохрипел Камышин, отчеканивая каждое слово. – Нас уже не просто толкают. Нас уже подставляют. Под мой же знак. На глазах у всех фээсбэшников.

На столе, на засаленной клеенке, лежала распечатка, которую Марат принес с утра. Фотография мертвого осетра с нарисованным якорем. Камышин получил ее в виде MMS с неизвестного номера. Без текста. Просто фото.

– Это Волынский, – сказал Марат. Его голос был ровным, но в глубине глаз тлели угли. – Он хочет, чтобы война началась здесь. На его территории. Чтобы дядя был вынужден

ответить всей мощью. А мы выглядели бы агрессорами.

– И фээсбэшник нас предупредил, – добавил один из бригадиров, коренастый, с лицом, избитым морозом и ветром. – Значит, он не на их стороне.

– Он ни на чьей стороне, – поправил Камышин. – Он на стороне порядка. Своего порядка. И сейчас ему выгодно, чтобы мы не взорвались. Значит, мы не взрываемся.

В комнате прошел недовольный ропот. Люди жаждали действия, отпора.

– Но терпеть же нельзя, Артем Сергеевич! – вспыхнул молодой парень, отвечавший за диспетчерскую. – Они уже и рыбу с якорем кидают! Дальше что, на наших складах взрывчатку с нашей же меткой подбросят?

– А ты думаешь, не подбросят? – холодно посмотрел на него Камышин. – Подбросят. И наша задача – не дать этому случиться. Марат, удвой охрану всех объектов. Особенно топливных цистерн и рефрижераторов. Введи пропускной режим по отпечаткам для своих. Чужих – не пускать. Даже если они с бумагами от Синицына. Особенно – если от Синицына.

Марат кивнул.

– А как отвечать будем? – спросил другой, седой, с руки которого не сходила старая татуировка парусника.

– Отвечать будем так, чтобы им было больно, а нам – чисто, – сказал Камышин, и в его голосе впервые зазвучал

стальной, негнувшийся тон. – У Синицына ахиллесова пята – его стройка. Ты, Витя, у тебя там племянник-геодезист работает?

Седеющий мужчина кивнул.

– Передай ему: пусть найдет все, что там не по ГОСТу. Бетон, арматура, документы на землю. Все. Не воровать, не портить. Фотографировать, копировать, запоминать. Пусть работает как наш агент. За хорошие деньги. А ты, Саня, – он повернулся к молчаливому человеку в очках, похожему на бухгалтера, – достань все контакты субподрядчиков на «Ривьере». Найди тех, кто недоволен, кому задерживают оплату, кто боится, что их кинут. С ними будем вести «переговоры». О том, как выгоднее работать с теми, кто платит исправно. С нами.

Это была другая война. Не ножевая, а бухгалтерская. Война компромата, экономического давления, переманивания кадров. Война, которую Камышин понимал не хуже, а может, и лучше Синицына, потому что всегда вел ее в условиях дефицита и давления.

– А если они ответят силой? – спросил Марат.

– Тогда, сынок, – Камышин откинулся на спинку стула, и его лицо стало похоже на гранитную глыбу, – тогда мы ответим такой силой, что они и своих-то похоронить не успеют. Но это – крайний случай. Пока что мы – образцовые страдалцы. Нас провоцируют, а мы – укрепляем дисциплину и

боремся с браконьерами. Понятно?

Разошлись. Камышин остался один. Он снова подошел к карте. Его красный карандаш теперь не просто обводил мыс. От него тянулись тонкие, едва заметные стрелочки к другим точкам: «экологическая экспертиза», «трудовые инспекции», «налоговая». Он строил контрнаступление. Медленное, неотвратимое, как ледник.

II. Семейный разлад

В это же утро в пентхаусе с видом на «Нептун» Лев Синецын завтракал в одиночестве. На тарелке лежали идеально приготовленные яйца-пашот, которых он не касался. Он смотрел на отчет о вчерашних расходах на мероприятие и чувствовал во рту вкус гари. Не от шампанского. От провала.

Кирилл вошел без стука. Он был бледен, с темными кругами под глазами, но энергия от него исходила почти физическая, агрессивная.

– Ты видел? Они уже трусливо спрятали хвост. Ни одной реакции на вчерашнее. Ни звонка, ни угрозы. Тишина.

– Тишина перед бурей, Кирилл, – тихо сказал Синецын, не глядя на него. – Или тишина умного человека, который не хочет лезть в капкан. Твой капкан, между прочим.

– Мой? Я что, нарисовал им якорь на рыбе? – Кирилл фальшиво рассмеялся. – Это же они! Они издеваются!

– Перестань, – Синицын наконец поднял на него глаза. Взгляд был усталым и бесконечно раздраженным. – Ты думаешь, я не знаю твоих «креативных» методов? Подстава на уровне школьной драки. И это при том, что Камышина предупредили. Значит, у него теперь есть союзник во власти. Климов. Ты не спровоцировал войну, ты спровоцировал альянс против себя. Поздравляю.

Кирилл сжал кулаки, его скулы заходили ходуном.

– Альянс? Этот пыльный майоришка и тот старый хрыч? Дядя, они – прошлый век! Их нужно не бояться, а смести!

– Смести? – Синицын встал, и его обычная мягкость исчезла без следа. – Ты знаешь, что сейчас делает Камышин? Я знаю. Он уже начал. Мне только что позвонили три субподрядчика. Вежливо поинтересовались, все ли у нас с финансированием в порядке, потому что «ходят слухи». Это он. Он бьет по деньгам. По репутации. Ты понимаешь разницу между твоим мертвым осетром и его работой с субподрядчиками? Ты оставляешь улику. Он – только слух. Слух убийственнее топора.

Он подошел вплотную к племяннику.

– Ты хочешь войну? Хорошо. Но вести ее будешь не ты. Ты сел в тюрьму – у тебя папка с компроматом на всех, вклю-

чая меня, не поможет. Меня посадят рядом. А бизнес, который ты хочешь захватить, раздербанят другие. Ты все еще не понимаешь, что сила – не в жестокости? Сила – в предсказуемости. В том, чтобы все знали: если ты перейдешь черту – последует ответ. Но и знали, что черта эта – четкая, и пока ты ее не перешел, можно договариваться. Ты же стираешь все границы. Ты превращаешь нас в дикарей. А против дикарей всегда найдется более цивилизованная и жестокая сила. Та самая, что в лице майора Климова.

Кирилл слушал, и его лицо искажала ненависть. Не к Камышину, а к дяде. К этому миру полумер, условностей, «понятий».

– Значит, мы ничего не делаем? – выдохнул он с презрением.

– Мы делаем то, что умеем. Мы давим легально. Завтра начнется внеплановая проверка портовой санитарной службы. Послезавтра – налоговая по контейнерным потокам Камышина. У него там не все чисто, я уверен. Мы найдем брешь и расширим ее. Без выстрелов. Без трупов. – Синицын отвернулся. – А ты..., ты на время исчезни из города. Поезжай в Москву, к нашим партнерам. Остуди голову.

Это было приговором. Отстранением. Кирилл понял это. Он резко развернулся и вышел, хлопнув дверью так, что задребезжали стекла в панорамном окне.

Синицын подошел к этому окну. Туман начинал рассеиваться, открывая море. Оно было серым, тяжелым, недобрым. Он ошибся. Он воспитал не преемника, а могильщика. И теперь этот могильщик рыл яму для них обоих.

III. Мертвая рыба и живые улики

Климов и Репнина сидели в кабинете местного УГРО. На столе перед ними лежали два отчета. Официальный: «Причина гибели осетра – попадание в браконьерские сети, знак „якорь“ – хулиганские действия неизвестных лиц». И неофициальный – отчет Репниной, со слов Гордеева и своих источников: цепочка фальсификаций на стройке «Ривьеры».

– Гордеев поет, как соловей, – сказала Репнина. – Боится Волынского как огня. Готов давать показания, если мы гарантируем защиту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.